

Репрезентативная и партисипативная демократия

Ален де Бенуа

Репрезентативная или представительная демократия в своей основе либеральна и буржуазна. Ее представителям разрешено через выборы преобразовывать народную волю в правительственные акты. Представительная демократия в настоящее время является наиболее распространенным режимом в западных странах. Одним из последствий такой закономерности является привычка рассматривать демократию и представительство в качестве синонимов, что, как показывает история вопроса, в корне неверно.

Известными теоретиками представительной демократии являются Томас Гоббс и Джон Локк. У первого, как и у второго, граждане в договорном порядке делегируют свой суверенитет правителям. У Гоббса такая передача полномочий носит тотальный характер. Однако таким образом к демократии прийти не получится: в результате абсолютной властью наделяется монарх («Левиафан»). У Локка делегация полномочий условна: граждане передают свой суверенитет только в обмен на гарантии, касающиеся основных прав и индивидуальных свобод. Народному суверенитету здесь так же едва ли отведена решающая роль, так как его действие «приостановлено» на тот период, пока действует срок контракта с правительством.

Руссо, в свою очередь, противопоставляет требование демократии всякому репрезентативному режиму. Граждане, согласно его теории, не заключают контракт с правительством. Их отношения регулируются исключительно законом. Государь — это всего лишь исполнитель воли народа, единственный обладатель законодательной власти. Он не наделен властью, принадлежащей общей воле, то есть граждане «правят» сами, но руками государя. Мысль Руссо очень проста: если граждане представлены кем-либо, то именно представителям достается власть, а граждане свой суверенитет теряют. Суверенный народ — это «коллективное существо», которое должно само представлять свои интересы. Отказаться от суверенитета означает отказаться от своей свободы, то есть разрушить самого себя. Как только народ избрал себе представителей, «он стал рабом, он теперь ничто» (Об общественном договоре, III, 15). Свобода, как неотъемлемое право, характеризуется полнотой исполнения, без которой подлинное политическое гражданство невозможно. Народный суверенитет в данных условиях — необходимость. Любое представительство, таким образом, означает снятие этого суверенитета.

Если определять демократию как режим, основанный на народном суверенитете, то, разумеется, прав Руссо. Демократия — это форма правления, которая соответствует принципу идентичности управленцев и управляемых, иными словами — народной воли и закона. Эта идентичность подразумевает равенство граждан, то есть тот факт, что все они являются равными членами одного политического единства. Признание того, что народ обладает суверенитетом не по сути своей, но по призванию, означает, что именно от народа берут свое начало публичная власть и законы. Управленцы в данном случае являются лишь агентами-исполнителями, которые должны действовать сообразно целям, поставленным общей волей народа. Роль представителей должна быть сведена к минимуму, а их мандаты — признаны нелегитимными в том случае, если они относятся к

целям и проектам, не соответствующим народному заказу.

Между тем, сегодня все происходит с точностью до наоборот. В либеральных демократических странах преимущество отдано как раз представительству, а точнее «воплощающему» представительству. Представитель, отнюдь не являясь простым «служащим», выражающим волю своих избирателей, сам воплощает эту волю исходя из того лишь факта, что его избрали. Это означает, что факт избранности служит представителю оправданием действовать не в интересах тех, кто его избрал, а в своих собственных. Иными словами, по мнению представителя, голоса в его пользу обеспечивают ему право делать все, что он считает необходимым.

Эта система породила много критики, которая в прошлом была направлена против парламентаризма, а сегодня все чаще высказывается в дебатах о «дефиците демократии» и о «кризисе представительства».

В репрезентативной системе, когда избиратель посредством передачи своего голоса делегирует свою политическую волю тому, кто ее представляет, вся власть сосредотачивается в руках представителей и группирующих их партий, а не в руках народа. Правящий класс быстро перерастает в профессиональную олигархию, защищающую исключительно собственные интересы в общей атмосфере неразберихи и безответственности. В наше время лица, обладающие властью и правом принятия решений, чаще обязаны этим не выборам, а назначению или кооптации. Такова она, олигархия «экспертов» и высоких чиновников.

Теоретики-либералы не устают расхваливать преимущества правового государства, несмотря на двусмысленный характер этого выражения. Но даже оно не в силах изменить сложившуюся ситуацию. Существовая за счет совокупности юридических формальных правил и процедур, правовое государство на самом деле не преследует какие-либо специфические политические цели. Оно исключает ценности из своего поля деятельности, таким образом создавая благоприятную почву для столкновения интересов. Законы имеют вес на том основании, что они легальны, то есть были приняты со всеми предусмотренными процедурами и соответствуют конституции. Так мы видим, что легитимность сводится к легальности. Такая позитивная легалистская концепция легитимности предполагает уважение конституционных законов как таковых, рассмотрение их как самоцели. Народная воля в данном случае не изменяет и не контролирует их функционирование.

Между тем, при демократическом строе легитимность власти не зависит целиком и полностью от ее действий в рамках закона, даже в рамках конституции. Легитимность здесь определяется, прежде всего, действиями правительства, направленными на достижение тех целей, которые были назначены ему волей граждан. Справедливость и рациональность законов не в полной мере регулируют деятельность государства и правящей партии. Правовая легитимность не гарантируется одним лишь фактом существования судебного контроля: помимо этого необходимо, чтобы этот контроль отвечал запросам граждан и был направлен на служение общему благу. Наконец, нельзя говорить о легитимности конституции, если законодательная власть по тем или иным причинам не готова менять форму и содержание законов. Законодательная власть не устраняется и не отдаляется от дел, оно продолжает существовать и всегда стоит выше

конституции и конституционных правил, даже если они приняты им самим.

Очевидно, нам никогда не удастся полностью отойти от представительства, так как идея управляющего большинства в современном обществе встречает серьезные преграды на своем пути. Представительство, которое всегда было и будет крайним средством, все же не исключает возможности функционирования демократических принципов.

Существующее положение дел можно исправить путем введения партисипативной демократии, которую еще называют демократией участия или воплощенной демократией. Такая переориентировка становится сегодня острой необходимостью ввиду общей эволюции общества.

Кризис институциональных структур, исчезновение четких ориентировок свыше относительно нашего будущего, растущее недовольство электората политическими партиями классического типа, возрождение общественных объединений, возникновение новых общественных и политических движений (экологистских, местнических, борющихся за сохранение идентичности), которые отстаивают не какие-то спорные интересы, а экзистенциальные ценности — все это свидетельствует о возможности воссоздания активного гражданства.

Для преодоления кризиса государства-нации, возникшего по причине глобализации экономической жизни, которая повлекла за собой распространение по всей планете не только благ, но и проблем, требуется осуществить следующие меры: сверху — предпринять попытки по воссозданию связности и эффективности в принятии решений на наднациональном уровне, что позволит, по крайней мере частично, управлять процессом глобализации; снизу — расширение сферы влияния небольших политических единиц и местного самоуправления. Эти две дополняющие друг друга тенденции призваны устранить «дефицит демократии», который все чаще констатируется в последнее время.

Но политическая картина мира претерпевает и другие изменения. Правые разрывают отношения со старым «гегемонистским блоком», поскольку капитализм потерял средства связи со средним классом из-за своей запоздалой модернизации, из-за роста цен на производство и из-за ускоренной кризисом транснационализации капитала. В то же время, пока средний класс дезориентирован и часто подвергается опасности, рабочий класс все более недоволен действиями левых, которые, отрекшись практически ото всех своих принципов, отныне находят все больше общих интересов с высшими слоями средней буржуазии. Иными словами, средний класс больше не чувствует поддержки со стороны правого блока, а рабочий класс предан и оставлен партиями левых. Добавим к этому факт исчезновения былых жизненных ориентиров, обрушение образцовых жизненных моделей, крах великих идеологий современности, всемогущество товарной системы, которая способна дать средства к существованию, но не смысл жизни. В итоге мы приходим к извечному вопросу о цели человеческого присутствия в мире, о смысле индивидуального и коллективного существования, а тем временем экономика производит все больше и больше товаров и услуг и использует все меньше и меньше человеческой рабочей силы, что умножает проблемы, связанные с безработицей, с краткосрочным трудоустройством, со страхом перед будущим, с отсутствием безопасности, с агрессивностью и различного рода переживаниями.

Перечисленные факторы сигнализируют о необходимости коренного изменения

современного демократического строя в сторону подлинной партисипативной демократии. В обществе, которое становится все более «размытым» преимущество партисипативной демократии состоит в том, что она действительно способна исправить или искоренить проблемы представительства, обеспечить лучшую конформность закону и общей воле, создать легитимность, без которой институциональная легальность — всего лишь иллюзия.

Активное гражданство невозможно создать на уровне крупных коллективных институтов (партии, профсоюзы, церковь, армия, школа и т. д.), которые сегодня в той или иной степени переживают кризис и не способны выполнять свою традиционную функцию интеграции и посредничества. Контроль власти не должен быть привилегией политических партий, активность которых часто исчерпывается стремлением расширить число своих сторонников. Партисипативная демократия сегодня может быть только базовой демократией.

Такая базовая демократия нацелена не на распространение дискуссии по всем уровням, а на то, чтобы с максимальным возможным содействием определить новые процедуры принятия решений и постановлений, отвечающие как собственным требованиям, так и требованиям граждан. Речь не идет о простой оппозиции по схеме «гражданское общество — публичная сфера», в противном случае нам пришлось бы говорить об изъятии частной собственности и об отказе от политической инициативы в пользу устаревших форм власти. Необходимо, наоборот, позволить индивидам почувствовать себя гражданами, а не членами частной сферы, способствуя, насколько это возможно, появлению и увеличению числа новых публичных пространств инициативы и ответственности.

Такая процедура как референдум (будучи организованной по решению правительства или по инициативе граждан, факультативной или обязательной) — всего лишь одна из форм демократии, важность которой, возможно, была переоценена. Еще раз подчеркнем, что демократия как политический принцип заключается не в том, что решение принимает большинство, а в том, что граждане сохраняют свой суверенитет. Голосование само по себе — всего лишь технический инструмент выявления мнения. Это означает, что демократию как политический принцип не следует путать со средствами, которыми она пользуется, а также ее нельзя сводить к чисто арифметической и количественной идее. Права гражданина не ограничиваются голосованием. Права гражданина охватывают все способы, позволяющие выразить его согласие, отказ, недовольство или одобрение. Таким образом, необходимо систематически исследовать все возможные формы активного участия в общественной жизни, которые одновременно являются формами ответственности и автономности гражданина, поскольку общественная жизнь обуславливает ежедневное существование каждого из нас.

Партисипативная демократия затрагивает не только политическую сферу. Она затрагивает также сферу социальную. Способствуя развитию отношений взаимности, воссоздавая социальное взаимодействие, она может помочь восстановить структурные общественные связи, которые так ослаблены сегодня, а также сплотить общество, напомнив о понятии солидарности, которое успело стереться в свете господствующего индивидуализма и постоянной конкуренции в процессе преследования личного интереса. Воссоздавая элементарную социальность, партисипативная демократия предполагает возрождение сообществ, возвращение соседской, квартальной, рабочей солидарности и т. д.

Партиципативная концепция демократии четко противопоставлена либеральному узаконению политической апатии, которое негласно поощряет невмешательство и приводит к приходу к власти экспертов-управленцев. Демократия же, по сути своей, не является формой правления в чистом виде. Демократия — это участие граждан в общественной жизни. Общество демократично настолько, насколько велик в нем процент этого участия. Участвовать — означает ощущать себя частью целого, занимать активную позицию, обусловленную этой принадлежностью. «Участие, — писал Рене Капитан, — это индивидуальный акт гражданина, действующего в качестве члена общности». Итак, мы видим, насколько тесно связаны между собой такие понятия как принадлежность, гражданство и демократия. Участие определяет гражданство, которое является следствием принадлежности. Принадлежность является неотъемлемой частью гражданства, которое предполагает участие. Всем известен республиканский французский девиз: «Свобода, равенство, братство». Если либерал-демократам исторически принадлежит слово «свобода», если старые народные демократические течения захватили себе слово «равенство», то вполне возможно, что демократия участия, основанная на активной гражданской позиции и суверенитете народа, могла бы стать лучшим ответом на требование «братства».